
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Сабина РИХЕБЕХЕР

**ОПАСНЫЕ СВЯЗИ С ВЛАСТЬЮ.
ПСИХОАНАЛИЗ
В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ**

Перевод с немецкого Яндиевой Х. © 2018

Прошлое не мертво, оно даже не прошло...

Уильям Фолкнер

◀ АННОТАЦИЯ ▶

Статья посвящена становлению психоанализа в Советском Союзе в первые десятилетия после Октябрьской революции. Автор отдельно фокусирует внимание на судьбах трех пионеров российского психоанализа: Веры Шмидт, Александра Лурия, Сабины Шпильрейн.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психоанализ, «новый человек», марксизм, педология.

◀ ABSTRACT ▶

The article is devoted to the development of psychoanalysis in the Soviet Union in the first decades after the October Revolution. The author focuses separately on the fates of three pioneers of Russian psychoanalysis: Vera Schmidt, Alexandra Luria, Sabina Spielrein.

KEYWORDS: psychoanalysis, “new man”, Marxism, pedology

Про Александра Блока (1880–1921), великого русского поэта, рассказывают, что в дни Октябрьской революции 1917 г. он приехал в свое поместье и застал там только груды руин и пепла. Вдруг среди руин что-то блеснуло – это были осколки старого зеркала, выпавшего из сгоревшей рамы орехового дерева. Блок подобрал самый большой осколок и целый день бродил с ним по пепелищу, будто надеясь на то, что

этот уцелевший фрагмент вберет в себя и спрячет в своей глубине хотя бы кусочек истории (ср. Мойнэхэн, 1994 г., С. 6).

До Октябрьской революции психоанализ в России имел довольно успешную историю. Уже в 1899 г. в Петербурге было издано новаторское произведение Зигмунда Фрейда и Йозефа Брейера под названием «*О психическом механизме истерических феноменов*» (1893а [1892]) – это был самый первый перевод произведений Фрейда на русский язык. К 1917 в Москве и Одессе сформировались действующие психоаналитические группы, а большая часть трудов З. Фрейда, К.Г. Юнга, А. Адлера и Ш. Ференци была опубликована российскими издательствами. В 1910 г. московский врач Николай Осипов (1877–1934) начинает издавать психоаналитический журнал «*Психотерапия. Обзорение вопросов психического лечения и прикладной психологии*». Фрейдисты, – так психоаналитиков называли в России, – даже открывают в *Крюково* свою частную клинику, где пациентов лечат с применением психоаналитических методов. Однако начало Первой мировой войны положило конец бурному расцвету психоанализа.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Несмотря на потерю имени, Александр Блок поначалу был пламенным сторонником революции. «Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью», – писал он в статье «*Интеллигенция и революция*» (Блок, 1978 [1918], С. 170).

Большевистский переворот ознаменовал собой новый этап в истории человечества – грандиозную попытку построения бесклассового и справедливого общества и воплощения в жизнь идеи, о которой западные философы и поэты только мечтали – создание «Нового Человека». Прообразом «Нового Человека» стала превосходно работающая машина: «*машинизация*» стояла на повестке дня. Лев Троцкий (1879–1940) пояснял: «Человек примется наконец всерьез [...] Он поставит себе задачей ввести в движение своих собственных органов – [...] высшую отчетливость, целесообразность, экономию и тем самым красоту [...] Человек поставит себе целью [...] создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно – сверхчеловека» (ср. Троцкий, 2005 [1923], С. 419 и след.).

Сразу же после Октябрьской революции в рекордные сроки появились многочисленные проекты, лаборатории и институты. Все они в своей основе имели одну цель – служение идеалам революции. В это же время и российский психоанализ был поглощен идеей «создания Нового человека»; при этом большое значение фрейдисты придавали педагогическому элементу и вопросу профилактики неврозов, так как согласно доктрине нового правящего класса неврозы свойственны только капиталистическому обществу. Но не только идеологическими мотивами руковод-

становились коммунисты. В хаосе Первой мировой войны, революции и следующей за ней гражданской войны примерно от 7 до 9 млн детей потеряли своих родителей. В результате – миллионы детей-сирот на улицах городов; банды беспризорников, наводящие ужас на жителей. Все это представляло для новой власти серьезную проблему.

Именно в таких условиях политическая ответственность за развитие психоанализа была возложена на народный комиссариат просвещения – *Наркомпрос*, который в 20-е и 30-е гг. осуществлял контроль всех областей культуры. Под покровительством Троцкого фрейдизм в 1920-е гг. добивается заметных успехов (ср. Эткин, 1996). Ученые в Советском Союзе, как и их коллеги на западе – психоаналитики с левым уклоном – Отто Фенихель (1897–1946) и Вильгельм Райх (1897–1957), пытаются выяснить не только отношения между психоанализом и марксизмом, но и сделать их взаимно плодотворными.

Но, несмотря на покровительство большевиков, споры вокруг фрейдизма не утихают. Со дня своего основания Государственный психоаналитический институт и Русское психоаналитическое общество (РПСАО) находятся в поле политических и идеологических противоречий. Об этом свидетельствуют, к примеру, дебаты вокруг психоаналитического детского дома-лаборатории в Москве.

Не обошел своим вниманием изучение параллелей между психоанализом и марксизмом наш современник – польский психоаналитик Эммануил Берман¹. По его мнению, оба течения содержат утопические элементы. Утопия заключает в себе завораживающую идею улучшения человеческой жизни. В ней также содержатся элементы отрицания и иллюзии, представляющие собой угрозу освободительному импульсу и способные привести к противоположному эффекту – к деструктивности (ср. Берман, 2017а, С. 1). Э. Берман приходит к выводу, что мечта о «Новом Человеке», очищенном от социальных и прочих искажений, является распространенной и характерной для религиозных, национальных или политических утопий. Постоянно сравнивая несовершенное Сегодня с желанным идеальным Завтра, власть имущие узаконивают любые свои действия по отношению к другим или инакомыслящим – включая террор и насилие. Они руководствуются иллюзией, что цель оправдывает средства, не задумываясь о том, что средства со своей стороны влияют на результат. Таким образом, проект по созданию нового советского человека становится предвестником другого тоталитарного проекта XX столетия в Европе – арийского «сверхчеловека» и Холокоста (ср. Берман, 2000, С. 39 и след.).

До настоящего времени западные исследования концентрировались преимущественно на реконструкции сложного организационного развития психоанализа в Советском Союзе, с одной стороны, и на идеологических столкновениях между психоанализом и марксизмом, с другой.

В данной же работе речь пойдет о поиске личных следов, о трех отрывочных биографиях. Вера Шмидт (1889–1937) возглавляла детский дом-лабораторию, став-

¹ Эммануил Берман – польский психоаналитик. Во времена 2-й мировой войны, будучи четырехлетним ребенком избежал Холокоста.

ший прообразом кибуцев 1920–1930-х гг., а также детских садов антиавторитарного типа на западе. Александр Лурия (1902–1977) принадлежит к первому поколению советских ученых. Он стал всемирно известным неврологом и является единственным из наших протагонистов, доживших до преклонных лет. И, конечно же, следует вспомнить о Сабине Шпильрейн (1885–1942), которая была самым образованным российским психоаналитиком и, прожив 20 лет на западе, в 1923 г. вернулась на родину.

ДЕТСКИЙ ДОМ-ЛАБОРАТОРИЯ «МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ»

В 1921 году в Москве создается «Психоаналитическая ассоциация исследований художественного творчества». В названии Ассоциации был заключен определенный посыл: фрейдизм не должен быть прерогативой врачей и психологов, а должен стать предметом открытой дискуссии, в которой примут участие представители интеллигенции, поэты, театральные деятели, педагоги и профессиональные революционеры. Членами Ассоциации стали многие именитые ученые и общественные деятели, например такие, как профессор математики Отто Шмидт (1891–1956). В качестве директора государственного издательства «Госиздат» он поспособствовал появлению психологической и психоаналитической библиотеки с трудами Зигмунда Фрейда, Анны Фрейд, Карла Абрахама и др. Тематика проводимых Ассоциацией лекций имела политически нейтральную окраску: «Статуи речных богов», «О греческих вазах», «Меланхолия Дюрера» или «Отношения тактильной эротике к орнаменту ковров» (ср. переписка, 1921, С. 387 и след.).

Среди членов ассоциации был и Александр Бернштейн (1870–1922) – директор Московской неврологической клиники. В мае 1921 г. им было подано ходатайство об учреждении психоаналитического детского дома для здоровых детей дошкольного возраста. Благодаря полученному согласию вышестоящих органов, уже спустя три месяца детский дом-лаборатория начал свою деятельность под руководством Ивана Ермакова (1875–1943).

Ермаков в своем, написанном от руки, докладе обозначил цель Детского дома «Международная солидарность»: «...воспитание социально значимой личности в коллективе». Научные же задачи он видел в «методическом проведении наблюдений», а также в разработке методов профилактики неврозов. В докладе говорилось, что психоанализ является «эффективным методом освобождения ущербного человека от его социальной ограниченности» (ср. Эткинд, 1996, С. 250). Не смотря на то, что официальным руководителем Детского дома значился Ермаков, организационное руководство и практическая ответственность *de facto* были возложены на педагога Веру Шмидт.

Вера Шмидт родилась в 1889 г. в Староконстантинове. Ее родители были врачами. Вера Шмидт получила образование в Петербурге, где окончила высшие женские курсы. В 1913 г. она вышла замуж за математика Отто Шмидта. Впоследствии супруги переехали в Москву. Здесь Вера Шмидт с 1918 по 1920 гг. работала в отделе школьного

образования *Наркомпроса*. С момента учреждения дома-лаборатории «Международная солидарность» Вера Шмидт становится его руководителем и занимает этот пост вплоть до его закрытия.

◀ Вера Федоровна и Отто Юльевич Шмидт с сыном Владимиром ▶

Детский дом располагался на втором этаже великолепного особняка Рябушинского на Малой Никитской. В самом начале в детском доме проживало 30 детей, которых поделили на три возрастные группы. Для воспитателей дома-лаборатории были установлены следующие правила: наказания по отношению к детям не применяются; строгий тон в разговоре с детьми запрещается. Кроме того, не допускалась субъективная оценка детей: оценивался не сам ребенок, а результаты его поведения или деятельности. Например, построенный воспитанником дом следовало характеризовать как *красивый* или *некрасивый*. Детям позволялось употреблять такие слова, как онанизм. Когда между детьми случались драки, обидчика не ругали, а описывали ему боль, которую он причинил другому.

В Детском доме воспитывался и сын Веры и Отто Шмидт – Владимир. В одном из интервью он вспоминал: «Нас редко отпускали домой, всех. Это было общежитие [...].

Одно из моих ярких воспоминаний – эти огромные окна. [...] Здесь, в этой комнате, очевидно, была наша спальня, где легко размещалось семь кроваток. Соседняя комната была игровой. [...] Воспитатели были постоянно с нами, но для нас это были не воспитатели и, казалось естественным то, что моя мама находилась с нами, а все семеро, точно так же, как и я, называли ее мамой» (Кюн, 2000, С. 13 – 19). Больше всего дети любили играть с большими строительными кубиками на полу. Пол был любимым местом еще и потому, что дома было запрещено на нем играть. «Вообще в этом детском доме эмоции и инициативы детей никак не подавлялись», – рассказывал Владимир Шмидт (С. 20). Напротив, воспитатели позволяли, чтобы все развивались свободно; они наблюдали, вели дневники, фотографировали.

В этот период Вера Шмидт публикует статьи о детском доме-лаборатории в психоаналитических журналах, а также ведет переписку с Мелани Кляйн и Анной Фрейд. Благодаря этим контактам московским коллегам удается расширить область своей деятельности: осенью 1922 г. открываются Государственный психоаналитический институт и Русское психоаналитическое общество (РПСАО). Спустя год открывается и психоаналитическая амбулатория. Осенью 1923 г. Вера и Отто Шмидт наносят визит Абрахаму в Берлине и Фрейдю в Вене. Их целью было ходатайство о временном приеме РПСАО в Международную психоаналитическую ассоциацию (МПА). Во время поездки супруги отправляют в Москву сообщения об огромном интересе западных коллег к деятельности Московского института и детского дома-лаборатории. Особо горячие дискуссии ведутся о том, как соотносятся коллективное воспитание и психоанализ, и как быть с Эдиповым комплексом в коллективном воспитании (ср. переписка, 1924, С. 114).

Левые аналитики, к примеру, Отто Фенихель и Вильгельм Райх, в свою очередь едут в Россию, чтобы лучше узнать и дать оценку ситуации с психоанализом в Советском Союзе. В итоге мнения ученых кардинально разошлись. Так, венский психоаналитик Рихард Штерба сообщает о жаркой полемике на одном из проходивших заседаний в 1929 или 1930 гг. Райх, будучи коммунистом, с решительностью выступал за русский эксперимент по созданию коллективного, свободного от неврозов человека. Подобные заявления вызвали возражения Фрейда: «[Райх] утверждает, что в России брак и семья последовательно упраздняются, не возникает Эдипова комплекса и поэтому не будет неврозов. Это можно сравнить тем, что если бы для лечения расстройства кишечника пациенту запретили есть и одновременно с этим воткнули ему пробку в задний проход. [...] Кроме этого необходимо заметить, что Эдипов комплекс не является специфической причиной возникновения неврозов. Нет какой-то одной специфической причины этиологии неврозов» (Штерба, 1982, С. 111 и след.). Фрейд завершает дискуссию непривычно энергично: «В настоящее время невозможно сказать что-то определенное о значении русского эксперимента. Никто не может об этом говорить прежде, чем этим детям исполнится по тридцать лет. Поэтому я предлагаю продолжить эту дискуссию через тридцать лет» (там же).

В момент этой полемики *Детский дом* уже перестал существовать. Не смотря на все усилия фрейдистов по отстаиванию своих убеждений, детский дом-лаборатория постоянно оставался предметом бесконечных споров. Кроме того, с самого начала его

создания ходили слухи о существующем в нем сексуальном насилии. За время своей работы дом-лаборатория часто подвергался проверкам следственных комиссий. Несмотря на то, что все проверяющие органы дружно давали только положительные оценки работе Детского дома, в итоге был сделан вывод, что в Советском Союзе нет необходимости в таком проекте.

О дальнейшей судьбе Веры Шмидт известно немного. С 1925 по 1929 г. она работала в Институте по изучению высшей нервной деятельности Коммунистической академии в Москве; с 1930 г. ее деятельность связана с Экспериментальным дефектологическим институтом. В этой области науки нашли пристанище многие бывшие психоаналитики (Майер, 2017). В 1937 г. Вера Шмидт умерла в тюрьме в возрасте 48 лет (Мовшович, 2007). И.Д. Ермаков был арестован в 1941 г. Умер он спустя год в ГУЛАГе (ср. Сироткина, 2002, С. 179).

АЛЕКСАНДР ЛУРИЯ (1902–1977)

Родившийся в 1902 г. Александр Лурия принадлежит к первому поколению советских ученых. Будучи одаренным исследователем Лурия сыграл важную роль в развитии психоанализа в короткий период его расцвета под большевистским господством. Более того, А.Р. Лурия придерживался мнения, что психоанализ совместим с целями революции (ср. Проктор, 2016).

Лурия родился в старом университетском городе Казани, где его отец был известным врачом. В своей автобиографии он писал: «Моя семья была типичной интеллигентной семьёй дореволюционной России. ...Мы считали себя прогрессивными, не соблюдали религиозных традиций» (Лурия, 1979, С. 18). Александр и его сестра Лидия воспитывались гувернанткой и с раннего возраста изучали языки. В семь лет Александр поступил в гимназию. Во время учебы

◀ Александр Романович Лурия ▶

проявлял большой интерес к литературе, истории и философии. После Октябрьской революции гимназия была закрыта. Позже ученый вспоминал: «Мне было всего 15 лет, когда началась революция. Именно это важнейшее событие оказало решающее влияние на всю мою жизнь, как и на жизнь всех, кого я знал. [...] С самого начала было ясно,

что у меня было весьма мало возможностей получить нормальное систематическое образование. [...] Вместо этого жизнь предложила мне невероятно стимулирующую атмосферу активного, стремительно изменяющегося общества. Все мое поколение было проникнуто энергией революционных изменений – освободительной энергией, ощущаемой людьми, являющимися частью того общества, которое смогло в течение короткого отрезка времени совершить колоссальный скачок по пути прогресса» (там же, С. 17).

В 1918 г. Лурия поступает на факультет общественных наук Казанского университета. Программа обучения на тот момент отсутствовала, а профессора не знали, что преподавать. В многочисленных студенческих группах обсуждались идеи социализма и велись споры о возможности преобразования общества. «Ни я, никто из моих друзей не были знакомы по-настоящему с марксизмом или теорией научного социализма. [...] Мой энтузиазм основывался скорее на сильном эмоциональном, романтическом восприятии этих событий», – вспоминал Лурия (там же, стр. 18 и след.).

Изучение общественных наук пробудило в нем интерес к психологии. Александр разделял господствовавшее в тот период мнение о том, что традиционная психология переживает кризис. А познакомившись с трудами Фрейда, он открыл для себя что-то совершенно новое. Он начинает изучать «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда, труды Альфреда Адлера и «Исследования ассоциаций» Карла Юнга и приходит к убеждению, что при помощи соединения психоанализа с научным материализмом можно получить модель целостной личности.

Летом 1922 г. Лурия организует в Казани психоаналитический кружок, в работе которого приняли участие врачи, психологи, педагоги и одна писательница. Он даже отваживается отправить в Вену сообщение о своих проектах. К своему удивлению получает письмо лично от великого мастера, написанное характерным для него готическим почерком. Фрейд передает «уважаемому господину президенту» – как он называет 20-летнего Лурию – дружеский привет и предлагает, если он того желает, перевести свою работу «Психология и масс и анализ человеческого Я» (1921) на русский язык. Лурия также получает предложение опубликовать подробные отчеты о заседаниях казанского кружка в «Международном журнале психоанализа».

В казанском психоаналитическом кружке обсуждаются работы Фрейда, и участники высказывают довольно критические замечания. Они пробуют применять психоанализ на пациентах казанской психиатрической клиники, но не получают ощутимых результатов. Лурия объясняет это тем, что Фрейд в своей теории неверно оценивает значение социального опыта. Кружковцы прибегают к собственной казуистике в отношении пациентов невротического типа, занимаются толкованием снов и литературных произведений.

Лишь однажды Лурия выступил с чисто психоаналитическим докладом «О психоанализе костюма» (ср. переписка, 1922, С. 525). Он никогда не был исключительным приверженцем Фрейда, то и дело обращаясь к другим психологическим направлениям, среди которых стоит отметить гештальт-психологию. Осенью 1922 г. увидела свет первая книга Лурии «Психоанализ в свете основных тенденций современной

психологии» (ср. переписка, 1923, С. 238), получившая положительную оценку у Фрейда. Именно тогда московским ученым приходится принять к сведению, что в Казани возник второй в стране психоаналитический центр. После встречи с Отто Шмидтом Лурия и некоторые из его коллег ходатайствуют перед властями о переезде в Москву, считая, что нужно объединить силы фрейдистов. А для самого Лурии назрела необходимость обосноваться в Москве – в центре средоточия власти.

В конце 1923 г. Лурия был назначен руководителем лаборатории в институте экспериментальной психологии при Московском университете. Его руководитель Константин Корнилов (1879–1957) был одним из основателей рефлексологической школы и хотел подвести под психологию материалистическую основу в соответствии с доктринами Маркса и Энгельса. Параллельно Лурия работает в Академии коммунистического воспитания, возглавляемой женой Ленина Надеждой Крупской (1869–1939). В это же время он вступает в ряды Русского психоаналитического общества (РПСАО) и избирается секретарем. В 1923 г. к фрейдистам в Москву прибывает подкрепление: Сабина Шпильерейн возвращается из Вены на родину. РПСАО отвечает теперь всем критериям для приема в МПА и – после Берлина и Вены – получает международное признание в качестве третьего психоаналитического образовательного института.

Зимой 1924 г. Александр Лурия представляет членам РПСАО общую концепцию новой, «монистической» психологии. Под «монистической» он подразумевает, что Фрейд не рассматривает психику изолированно от тела, его движений и окружения, а воспринимает духовную жизнь человека в качестве аспекта сложной, динамичной материальной системы, «как нечто постоянно изменяющееся, постоянно находящееся в движении». Это движение неравномерно, оно испытывает скачки или наталкивается на препятствия. Но, в итоге, когда оно достигает своей цели – разрешаются все противоречия (ср. Выготский и Лурия, 1925; ср. Проктор, 2016, С. 165).

Оптимистические представления Лурии о цели любого развития и конечном преодолении противоречий обязаны своим появлением большевистской системе мышления о коммунизме и новом обществе – даже там, где он, собственно, хочет поговорить о психоанализе, который всегда остается теорией конфликта. Эта трансформация в отношении содержания со всей ясностью прослеживается в предисловии Лурии и Льва Выготского (1896–1934) к сочинению Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), опубликованному в 1925 году Госиздатом. Так же, как и Татьяна Розенталь, Вильгельм Райх и другие утопически настроенные ученики Фрейда, Лурия пытается преобразовать сложное, диалектическое и, в конечном итоге, болезненное восприятие Фрейдом неизбежного конфликта между индивидуальным счастьем и требованиями цивилизации в размытое общество будущего без напряжений, противоречий и отрицания (ср. Берман, 1988; Проктор, 2016, С. 172).

Официальный интерес коммунистов к психоанализу, как к потенциалу общественного обновления или, по меньшей мере, их терпимое отношение к нему сменяется явным подозрением и поиском субъективистских и буржуазных тенденций в психоаналитической теории и методике.

Со смертью Ленина в 1924 г. и восхождением Иосифа Сталина (1879–1953) к вершине безраздельной власти в СССР «иуда» Троцкий впадает в немилость (ср. Стоун Нахимовски, 1992, С. 28); психоанализ теряет свое покровительство. Весной 1925 г. в московском Доме печати проводятся двухдневные ожесточенные дебаты о психоанализе и марксизме. Вслед за этим выходит постановление о закрытии детского дома-лаборатории. В августе издается декрет Совета народных комиссаров (РСФСР) о ликвидации Государственного психоаналитического института. Советское государственное издательство прекращает публикацию психоаналитических трудов.

А.Р. Лурии относительно быстро становится ясно, что у психоанализа в России нет будущего, и ему удается вовремя дистанцироваться. В 1927 г. он уходит с поста секретаря Русского психоаналитического общества. В работе *«Современная психология и диалектический материализм»* (1992 [1928]) психоанализ им больше не упоминается. В момент появления этой статьи советская действительность уже занята «сносом» начерченного Лурией «монистического» каркасного здания. Спустя несколько лет ему приходится публично покаяться в своих ранних психоаналитических увлечениях и отречься от Фрейда (ср. Проктор, 2016, С. 176).

Таким образом, обходя острые углы, покоряя новые сферы деятельности, даже окончив медицинский институт и временами переживая в провинции, Лурии удастся не только выжить, но и после многократных, зачастую вынужденных перемещений по службе, стать всемирно известным неврологом и нейропсихологом. За свою научную карьеру им было написано 30 книг и свыше 700 статей, посвященных различным областям знаний. Его труды были изданы на многих языках мира.

Лурия ушел из жизни в 1977 году в Москве в возрасте 75 лет.

◀ Сабина Николаевна Шпильрейн ▶

САБИНА ШПИЛЬРЕЙН (1885–1942)

В годы Первой мировой войны Сабина Шпильрейн вместе с малолетней дочкой Ренатой находилась в Лозанне. В мае 1917 г. ею было получено письмо из Ростова-на-Дону, в котором Ева Шпильрейн – мать Сабины, восторженно описывает первомайскую демонстрацию – первую демонстрацию после победы Февральской революции: «Мы пережили что-то совершенно великое и грандиозное. Это сложно описать словами. Я слишком устала после стольких событий этого дня и потому не могу выразить всю радость от сегодняшнего праздника. Впервые в моей жизни в России проводилась демонстрация, в

ней принимали участие 12 000 человек. Это был праздник для рабочих, выступавших за свободу, и это не шутка. Свободная, демократическая Россия, какая гордость для нас всех! [...] я видела это своими глазами и не забуду до конца своей жизни. Каждая партия проходила со своими знаменами и лозунгами "За свободную Россию!", "Земля и свобода!", "В борьбе мы завоюем свои права!" [...] Там были социал-демократы, крестьяне, социалисты-революционеры, [...] – музыканты, актеры и студенты, бродяги [...], банковские служащие и фабриканты [...], чиновники и рабочие и т.д., бесконечный людской поток. Очень жаль, что вы сейчас не в России, потому что у меня такое ощущение, будто Россия – это что-то особенное, здесь очень много делается, очень много такого, что следовало бы сделать для новой ориентации России» (Е. Шпильрейн, 1917).

В начале 1918 г. Сабина Шпильрейн в одном из своих писем мечтательно упомянула следующее: «Госпожа Бехтерева едет со своей дочкой в Россию» (С. Шпильрейн К.Г. Юнгу, 6 января 1918 г., ср. С. Шпильрейн, 2003, С. 162). Чувствовалось приближение конца войны, и Сабина, не без колебаний, стала задумываться о возвращении на родину. Удастся ли ей стать в России такой же известной величиной, как Владимир Бехтерев? Как сложатся отношения с российскими коллегами? И что сейчас с ее мужем, которого она не видела столько лет?

На VI Международном психоаналитическом конгрессе в Гааге (с 8 по 11 сентября 1920 г.) Шпильрейн объявила о своем переезде в Женеву. В Женеве она провела три, плодотворных в плане научной деятельности, года. Однако уже летом 1923 г. она приняла решение вернуться в Россию. В это время ее братья Ян, Исаак и Эмиль Шпильрейн, а также отец Николай Шпильрейн занимали высокие должности на родине.

В 1923 г., в период прибытия Шпильрейн в Москву, РПСАО находился в стадии становления. В списке сотрудников штата *Государственного психоаналитического института и Детского дома-лаборатории «Международная солидарность»* она числилась как «научный сотрудник» (ср. ГАРФ, год не указан). Кроме того, Сабина Шпильрейна стала одним из пяти членов президиума, была задействована во всех важных комиссиях и разделяла ответственность за научную программу института. Вместе с Иваном Ермаковым и Моисеем Вульфом (1878–1971) она руководила психоаналитической поликлиникой и детской амбулаторией. В апреле 1924 г. Шпильрейн в последний раз приняла участие в заседании РПСАО. Вскоре после этого она вернулась в свой родной город на юге России – Ростов-на-Дону, – который от Москвы – центра борьбы за власть отделяло расстояние свыше тысячи километров.

Деятельность Шпильрейн в этот период была довольно многогранна. Она работала педологом в Ростовской профилактической школьной амбулатории. Педология представляет собой практико-ориентированную междисциплинарную науку о детском развитии, базирующуюся на педагогических, психологических, психогигиенических и психоаналитических концепциях. В обязанности Шпильрейн входило массовое обследование детей в детских садах для ранней диагностики нарушений развития. В конце 1920-х гг. она начала лечить взрослых и детей – пациентов психиатрической поликлиники – с применением модифицированного

психоаналитического метода. В то же время, в своих докладах и публикациях она продолжала отстаивать психоанализ. На конференции психиатров и невропатологов Северокавказского округа в 1929 г. она поясняла свою точку зрения относительно природы невротозов и аномалий социального развития, сделав следующее рискованное заявление: «Учение Фрейда гораздо глубже учений всех его противников и приверженцев» (ср. С. Шпильрейн, 1987 [1929], С. 337).

КОНЕЦ

В 1930 г. начинаются дебаты по поводу введения марксизма-ленинизма в сферу науки, а психоанализ клеймят как реакционную теорию. Беспрецедентная волна репрессий в отношении ученых, инженеров, деятелей искусства катится по стране. В 1933 г. психоанализ уже полностью под запретом. В 1936 г. партия приняла резолюцию против «педологических извращений» в воспитании, в результате чего Шпильрейн потеряла свою работу в качестве педолога. Ее три брата – Ян, Исаак и Эмиль Шпильрейн – были арестованы во время сталинских чисток 1937–1938 гг., расстреляны и погребены в местах массовых захоронений.

В годы Второй мировой войны при осуществлении плана «Барбаросса» Ростов-на-Дону был оккупирован немецкими войсками. В период с 11 по 14 августа 1942 г. Сабина Шпильрейн и обе ее дочери – Рената и Ева – оказались в числе других ростовских евреев (всего 27 000 человек), которые были согнаны зондеркомандой СС 10а на окраину города, отравлены газом или расстреляны, после чего – захоронены в братских могилах.

На момент этого ужасного события психоанализ в центре Европы уже разгромлен, изгнан и уничтожен. Выбирая между закрытием Немецкого Психоаналитического Общества и добровольным приобщением к господствующей идеологии немецкие психоаналитики Третьего рейха предпочли последнее. Большая часть еврейских психоаналитиков эмигрирует. Выходец из России Макс Эйтингон (1881–1943), бывший руководитель и спонсор Берлинского психоаналитического института и его русско-еврейские коллеги Моисей Вульф, Анна Смелянски (1879–1961), Илья Шалит (?–1953) и Фанни Ловцки (1874–1961) эмигрируют в Палестину и создают там Палестинское психоаналитическое общество. Следует отметить, что несмотря на события, происходившие в Советском Союзе, Макс Эйтингон участвует в Палестинском коммунистическом движении. Кроме того, Моисей Вульф, практически бежавший из Советского Союза, остается сторонником советского режима и в личной беседе со своим другом Довом Александровичем поддерживает насильственное подавление мятежей в Венгрии и Чехословакии (Берман, 2017b).

«[...] голос интеллекта тих, но он не устает повторять – и слушатели находятяся», – писал Фрейд в своей работе «*Будущее иллюзии*» (1927с). Возникает вопрос, в состоя-

нии ли психоанализ через глубокое всестороннее понимание душевной жизни человека противодействовать опасной тяге к утопическим фантазиям и концепции «Нового Человека», и может ли он вскрыть их иллюзорную природу?

В своем увлекательном исследовании «Фрейд или Райх. Психоанализ и иллюзия» (1986) французские психоаналитики Жанин Шассге-Смиртель и Бела Грюнберже рассуждают о тенденции политических идеологий подпитывать иллюзии, чтобы избежать кастрацию. Они это связывают с характерными проективными аспектами таких идеологий: «После очистки от зла, в качестве которого провозглашаются евреи, частная собственность, патриархальные общественные структуры, панцирь характера или мышечный панцирь, очищенное Я может жить бесконфликтно, человек соединится с богом. В Aden Arabie (Аравия) Поль Низан говорит: "Если человек станет целостным и свободным, он не будет больше видеть снов".

[...] Низан полагает, что придет время, когда исполнятся все желания. Психоанализ же настаивает на мнении, что человеческое несовершенство, а значит и человеческие желания, никогда не исчезнут. Человечеству об этом, скорее всего, остается только мечтать до скончания века» (там же, С. 213).

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчаренко В.И. Психоанализ. Новейшая энциклопедия. – Минск: Книжный Дом, 2010.
2. Овчаренко В.И., Лейбин В.М. Антология российского психоанализа: в 2-х тт. – М.: Флинта, 1999.
3. Berman E. Communal Upbringing in the Kibbutz. The Allure and Risks of Psychoanalytic Utopianism // Psychoanalytic Study of the Child. – 1988. – Vol. 43. – P. 319–335.
4. Berman E. The Utopian Fantasy of a New Person and the Danger of a False Analytic Self // Psychoanalytic Psychology. – 2000. – Vol. 17 (1). – P. 38–60.
5. Berman E. (2017a). Psychoanalysis and Utopia / Vortrag auf dem Kongress Zwischen Hoffnung und Verzweiflung. Die Geschichte der Psychoanalyse in Polen im polnisch-deutsch-jüdischen Kulturkontext. Krakau, 11–13. Mai 2017 [Unveröffentlichtes Manuskript].
6. Berman E. (2017b). Persönliche Mitteilung. Haifa, 24 Mai 2017.
7. Blok A. [1918]. Intelligenz und Revolution / In ders. Ausgewählte Werke. – Bd. 2. – S. 167–180. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1978.
8. Chasseguet-Smirgel J., Grunberger B. Freud or Reich? Psychoanalysis and Illusion. – L.: Free Associations Books, 1986.
9. Etkind A. Eros des Unmöglichen. Die Geschichte der Psychoanalyse in Russland. – Leipzig: Gustav Kiepenheuer, 1996.
10. Fenichel O. Über die Psychoanalyse als Keim einer zukünftigen dialektisch-materialistischen Psychologie / Gente H.-P. (Hrsg.). Marxismus, Psychoanalyse, Sexpol. – Bd. 1. – S. 229–249. – Frankfurt a. M.: Fischer, 1934.
11. Figes O. Hundert Jahre Oktoberrevolution. Russland und das zwanzigste Jahrhundert. – München: dtv, 1917.

12. *Filatov F.* Bericht über die aktuelle Lage der Psychoanalyse in der Russischen Föderation. Persönliche Mitteilung. – 2017.
13. *Freud S.* (1920g). Jenseits des Lustprinzips. GW XIII, 1–69.
14. *Freud S.* (1927c). Die Zukunft einer Illusion. GW XIV, 325–380.
15. *Freud S., Breuer J.* (1893a [1892]). Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene. GW I, 81–98.
16. *Haynal A.* Die Technik-Debatte in der Psychoanalyse. Freud, Ferenczi, Balint. – Frankfurt a. M.: Fischer, 1989.
17. *Ingold F.P.* Die Faszination des Fremden. Eine andere Kulturgeschichte Russlands. – München: Wilhelm Fink, 2009.
18. *Jurinetz W.* [1925]. Psychoanalyse und Marxismus / Sandkühler H.J. (Hrsg.). Psychoanalyse und Marxismus. Dokumentation einer Kontroverse. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1971. – S. 66–136.
19. *Kadyrov I.M.* Analytical space and work in Russia: some remarks on Past and Present // International Journal of Psychoanalysis. – 2005. – Vol. 86. – P. 462–487.
20. *Kloocke R.* Mosche Wulff. Zur Geschichte der Psychoanalyse in Russland und Israel. – Tübingen: edition diskord. – 2002.
21. *Luria A.R.* The Making of Mind (hrsg. v. M. Cole & S. Cole). – Cambridge/MA: Harvard University Press, 1979.
22. *Luria A.R.* [1928]. Die moderne Psychologie und der dialektische Materialismus / Jantzen W., Holodynski M. (Hrsg.). Studien zur Tätigkeitstheorie VII. A.R. Luria heute. – Bremen: Luria Gesellschaft, 1992. – S. 5–26.
23. Korrespondenzblatt der Internationalen Psychoanalytischen Vereinigung. Zur psychoanalytischen Bewegung in Moskau // Imago, Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften. – 1921. – № VII. – S. 387f.
24. Korrespondenzblatt der Internationalen Psychoanalytischen Vereinigung. Zur psychoanalytischen Bewegung. Kasaner Psychoanalytischer Verein (Russland) // Imago, Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften. – 1922. – № VIII. – S. 523–525.
25. Korrespondenzblatt der Internationalen Psychoanalytischen Vereinigung (1923). Abstract zu *Luria A.* Die Psychoanalyse im Lichte der Tendenzen der neueren Psychologie [auf Russisch]. Zur psychoanalytischen Bewegung. Kasaner Psychoanalytische Vereinigung // Imago, Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften. – 1922. – № IX. – S. 238.
26. Korrespondenzblatt der Internationalen Psychoanalytischen Vereinigung (1924). Russische Psychoanalytische Gesellschaft. Sitzungsbericht der Russischen Psychoanalytischen Gesellschaft vom 18 Oktober // Imago, Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften. – 1923. – № X. – S. 114.
27. *Korycankova S. V.M.* Bechterevev and Fundamentals of Health Psychology, School and Health. – 2011. – Vol. 21. – P. 33–42 / Режим доступа: <https://pdfs.semanticscholar.org/Sc28/4a675e0b9c27ce34c28d02460c1837217c3e.pdf> (17.10.2017).
28. *Kühn R.* Interview mit Vladimir Ottovitch Schmidt / Unveröffentlichtes Manuskript. – Moskau, 2000. – S. 13–20.

29. *Kussmann T.* Präsident Jelzin unterzeichnet einen Erlass zur Wiederbelebung der Psychoanalyse in Russland // SSOAR. – 1996. – Open Access repository (50) / Режим доступа: <http://www.ssoar.info> (20.11.2017).
30. *Lobner H., Levitin V.* A Short account of Freudism. Notes on the History of Psychoanalysis in the UDSSR // Sigmund Freud House Bulletin. – 1978. – Vol. 2 (1). – P. 5–30.
31. *Meier S.* Mündliche Mitteilung. Berlin, 7 August 2017.
32. *Miller M.* Freud and the Bolschewiks. Psychoanalysis in Imperial Russia and the Soviet Union. – N. Hav., L.: Yale University Press, 1998.
33. *Movchovitch J.* Mündliche Mitteilung. – Rostov a. D., Mai 2007.
34. *Moyghanan B.* Das Jahrhundert Russlands 1894–1994. – München: Bertelsmann, 1994.
35. *Neiditsch S.* (1921a). Die Psychoanalyse in Russland während der letzten Jahre // IZP VII. Jg., S. 381–384.
36. *Neiditsch S.* (1921b). Dr. Tatiana Rosenthal, Petersburg † // IZP VII. Jg., S. 384–385.
37. *Nitzschke B.* Marxismus und Psychoanalyse. Aspekte der Marx-Freud Debatte 1. – 2005 / Режим доступа: http://werkblatt.at/nitzschke/text/marx.htm#_edn1 (23.12.2017).
38. *Osipov N.* Über Leo Tolstois Seelenleiden // Imago, Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften. – 1923. – № IX. – S. 495–498.
39. *Ovtcharenko V.* Love, psychoanalysis and destruction // Journal of Analytical Psychology. – 1999. – Vol. 44 (3). – P. 341–353.
40. *Pavanello Accerboni A.M.* Tatiana Rosenthal (1885–1921) / Federn E., Wittenberger G. (Hrsg.). Aus dem Kreis um Sigmund Freud. Zu den Protokollen der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. – Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 1992. – S. 103–107.
41. GARF [Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii] (o.J.). Personalliste der Mitarbeiter der Belegschaft am Staatlichen Psychoanalytischen Institut und Kinderheim Laboratorium "Internationale Solidarität". Fonds A 2307, Verzeichnis 9, Akte 222, Blatt 42 Rückseite.
42. *Proctor H.* "A country beyond the pleasure principle": Alexander Luria, Death Drive and Dialectic in Soviet Russia, 1917–1930 // Psychoanalysis and History. – 2016. – Vol. 18 (2). – P. 155–182.
43. *Reed J.* [1919]. Ten days that shook the world (Vorwort v. N. Lenin/V.I. Ulynow). – UK, USA, Kanada: Penguin, Random House, 2016.
44. *Reich W.* Die Stellung der Psychoanalyse in der Sowjetunion. Notizen von einer Studienreise in Russland / In J. Storfer (Hrsg.). Psychoanalytische Bewegung. – Bd. 1. – S. 358–368. – Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1929.
45. *Richebächer S.* "wie ein Hai im Karpfenteich..." Wilhelm Reich: Ein Porträt // Journal. Psychoanalytisches Seminar Zürich, November 1997. – № 34. – S. 36–55.
46. *Richebächer S.* Psychoanalyse im Exil. Otto Fenichel und die geheimen Rundbriefe der linken Freudianer // Jahrbuch der Psychoanalyse. – 2000. – № 42. – S. 125–164.
47. *Richebächer S.* Sabina Spielrein. "Eine fast grausame Liebe zur Wissenschaft". Biographie. – Zürich: Doerlemann, 2005.
48. *Richebächer S.* Sabina Spielrein – eine Pionierin von Psychoanalyse und Kinderanalyse, Psyche // Zeitschrift für Psychoanalyse und ihre Anwendungen. – 2009. – 63. Jg. (6). – S. 589–610.

49. *Richebächer S.* "I long to get together with all of you ..." A letter of Sabina Spielrein-Scheffel (Rostov-on-Don) to Max Eitingon, 24. April 1927 // *Psychoanalysis and History*. – 2016. – № 18 (1). – S. 119–133.
50. *Rosenthal T.* Karin Michaelis. "Das gefährliche Alter" im Lichte der Psychoanalyse // *Zentralblatt für Psychoanalyse*. – 1911. – № 1 (7/8). – S. 277–294.
51. *Schmidt V.* Psychoanalytische Erziehung in Sowjetrussland. Bericht über das Kinderheim Laboratorium. – Leipzig, Wien, Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924.
52. *Schmidt V.* Russische Psychoanalytische Vereinigung // *Imago, Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften*. – 1928. – № 14 (14). – S. 432.
53. *Sirotkina I.* Diagnosing Literary Genius. A Cultural History of Psychiatry in Russia, 1880–1930. – Baltimore, L.: Johns Hopkins University Press, 2002.
54. *Spielrein E.* Auszug aus einem unveröffentlichten Brief an Sabina Spielrein vom 18. April 1917 [julianische Zeitrechnung]. Privatbesitz, Genf [Russisch im Original]. – 1917.
55. *Spielrein S.* Die Destruktion als Ursache des Werdens // *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*. – Leipzig, Wien, 1912. – № IV (1/2). – S. 465–503.
56. *Spielrein S.* Russische Literatur / Freud S. (Hrsg.). Bericht über die Fortschritte der Psychoanalyse in den Jahren 1914–1919 // *Beihefte der Internationalen Zeitschrift für Psychoanalyse*. – Leipzig, Wien, Zürich, 1921. – № III. – S. 356–365).
57. *Spielrein S.* [1929] Zum Vortrag von Dr. Skal'kowskij / Spielrein S. (Hrsg.). *Sämtliche Schriften*. – Freiburg i. Br.: Kore, 1987. – S. 335–344
58. *Spielrein S.* Tagebuch und Briefe. Die Frau zwischen Jung und Freud [hrsg. v. T. Hensch]. – Gießen: Psychosozial-Verlag, 2003.
59. *Sterba R.* Reminiscences of a Viennese Psychoanalyst. – Detroit: Wayne State University Press, 1982.
60. *Stone Nakhimovsky A.* Russian-Jewish Literature and Identity. Jabotinsky, Babel, Grossmann, Galich, Roziner, Markish. – Baltimore, L.: The John Hopkins University Press, 1992.
61. *Tögel C.* Lenin und Freud: Zur Frühgeschichte der Psychoanalyse in der Sowjetunion // *Luzifer-Amor*. – 1988. – № 1(2). – S. 34–40.
62. *Tregulova Z., Balakhovskaya F.* Constructors of the future in search of the new / Revolution. Russian Art 1917–1932. – London: Royal Academy of Arts, 2017. – S. 101–123.
63. *Trotzki L.* [1923]. Die Kunst der Revolution und die sozialistische Kunst / Groys B., Hagemeister M. (Hrsg.). *Die neue Menschheit. Biopolitische Utopien in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts*. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005. – S. 415–421.
64. *Vasilyeva N.* Psychoanalysis in Russia: The Past, the Present, and the Future // *American Imago*. – 2000. – Vol. 57 (1). – P. 5–25.
65. *Volosinov V.N.* [1927]. Freudianism – a Marxist critique (hrsg. v. I.R. Titunik & N.H. Bruss). – N. Y., S. Fr., L.: Academic Press, 1976.
66. *Vygotsky L., Luria A.* Introduction to the Russian translation of Freud's Beyond the pleasure principle. – 1925 / *Режим доступа: <https://www.marxists.org./archive/Vygotsky/works/reader/p010.pdf>* (15.10.2017).